
Внешняя миграция российских IT-специалистов: мотивы, практики, последствия

Е.С. БАЛАБАНОВА*, А.П. ЛАЗЕНКОВА**

***Евгения Сергеевна Балабанова** – доктор социологических наук, профессор, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, balabanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2007-1773>
****Алёна Павловна Лазенкова** – аналитик, главный специалист, ГБУ МФЦ г. Москвы, Москва, Россия, lazenkovaap@gmail.com

Цитирование: Балабанова Е.С., Лазенкова А.П. (2026) Внешняя миграция российских IT-специалистов: мотивы, практики, последствия // Мир России. Т. 35. № 2. С. 68–94. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-68-94

Аннотация

Целью работы являются определение основных мотивов и практик внешней миграции российских IT-специалистов в 2022–2023 гг., сравнение уровня субъективного благополучия уехавших и оставшихся профессионалов. Эмпирическая часть исследования построена на сочетании глубинных интервью с уехавшими, оставшимися и вернувшимися в Россию IT-специалистами (N=21) и стандартизованного онлайн-опроса трех указанных групп респондентов (N=316).

Исследование показало, что в 2022–2023 гг. на первый план вышли выталкивающие факторы, связанные с политическим контекстом, повышенной тревожностью и ухудшениями условий труда. Основное обстоятельство, удерживающее специалистов в России, – это наличие семьи и друзей. Наиболее склонны к миграции высококвалифицированные специалисты, что негативно сказывается на российском рынке труда.

Сравнительный анализ показал, что оставшиеся в России IT-специалисты имеют более высокий общий уровень удовлетворенности жизнью и чаще отмечают повышение уровня своей жизни за последние два года, при этом отмечают увеличение объема и сложности выполняемой работы, рост психологических нагрузок на работе. Уехавшие ощущают себя в большей безопасности и в целом работают в более комфортных условиях, однако чаще оставшихся сообщают о снижении сложности выполняемой работы, что в перспективе может обернуться их деqualификацией. Наиболее серьезной потерей для уехавших стал разрыв семейных и дружеских социальных связей.

Ключевые слова: IT-специалисты, внешняя миграция, релокация, адаптация мигрантов, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью

Введение

Специалисты в сфере информационно-компьютерных технологий – одна из наиболее динамично развивающихся профессиональных групп. В последние годы увеличивается как численность IT-специалистов, так и социально-экономическое влияние этой профессиональной группы. Несмотря на бурный рост численности, в России остро стоит проблема дефицита кадров IT-специалистов, которая стала еще более заметной после начала СВО в феврале 2022 г.: тогда глава Минцифры заявил, что Россию покинули около 100 тыс. IT-специалистов¹, а в 2023 г. две трети уехавших (66 тыс.) вернулись². По состоянию на 2023 г. Минцифры заявляло о нехватке от 500 до 700 тыс. специалистов в сфере IT³.

Значительная часть безвозвратно покинувших Россию IT-работников оказались специалистами с высокой квалификацией. Сильный отток в 2022–2023 гг. наблюдался среди наиболее востребованных категорий – *senior*- и *middle*-разработчиков, что сегодня ставит перед работодателями задачу восстановления не только количественного, но и квалификационного состава работников⁴.

Таким образом, на макроуровне проблема заключается в том, что массовый отъезд за рубеж обострил ситуацию кадрового дефицита в IT-сфере, негативно отражаясь на рынке труда и темпах цифрового развития России. Вопрос о том, каков потенциал возвращения уехавших специалистов, остается открытым.

Отметим и микроуровень изучаемой проблемы. Как будет показано ниже, внешней миграции из России в 2022–2023 гг. часто сопутствовали резкое изменение условий жизни, разрыв социальных связей, разъединение семей. Все это влияет на объективное и субъективное благополучие значительной части наших сограждан. «Выиграли» или «проиграли» уехавшие специалисты? От чего зависит общая удовлетворенность жизнью уехавших и оставшихся айтишников? На эти вопросы мы попытались ответить в результате проведенного исследования.

Внешняя миграция российских IT-специалистов: тенденции и подходы к изучению

В российских СМИ массовый отъезд россиян за рубеж после начала СВО в феврале 2022 г. часто обозначается как «релокация», что не соответствует принятому в научной литературе пониманию термина – переезду работников в другую страну в связи с перемещением офиса работодателя. Поэтому мы используем более

¹ Глава Минцифры сообщил, что порядка 100 тыс. айтишников покинули РФ в этом году (2022) // Интерфакс. 20 декабря 2022 // <https://www.interfax.ru/russia/877771>, дата обращения 13.03.2025.

² Количество IT-специалистов в России увеличилось на 13% (2024) // Минцифры РФ. 5 апреля 2024 // <https://digital.gov.ru/news/kolichestvo-it-speczialistov-v-rossii-velichilos-na-13/>, дата обращения 13.03.2025.

³ Гуреева Ю. (2023) Минцифры: Российской IT-отрасли не хватает 500–700 тысяч специалистов // Российская газета. 17 августа 2023 // <https://rg.ru/2023/08/17/mincifr-rossijskoj-it-otrasli-ne-hvataet-500-700-tys-specialistov.html>, дата обращения 12.03.2025.

⁴ Греф рассказал о двух волнах оттока IT-специалистов из «Сбера» в 2022-м // РБК. 9 марта 2023 // https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409af299a79470d6115e3a7?from=newsfeed?utm_source=telegram&utm_medium=messenger, дата обращения 12.03.2025.

корректный термин «внешняя миграция» – переселение в другую страну на длительный срок или на постоянное место жительства.

В рамках нашего исследования под практиками внешней миграции российских IT-специалистов мы понимаем совокупность опривыченных действий и моделей поведения, которые связаны с решением о переезде за рубеж, процессом адаптации на новом месте и взаимодействием с социальным окружением в контексте миграционного опыта. Мы исходим из того, что индивидуальные действия, совершающиеся большим количеством людей, формируют практики, которые, в свою очередь, обеспечивают индивидуальным действиям социальный контекст, придают им смысл и определяют их направленность, правила, нормы и способы выполнения. Взаимосвязь действий и практик носит динамичный характер: практика формирует контекст и смысл действий, а действия со своей стороны воспроизводят и трансформируют практику [Гидденс 2003; Волков 1997; Волков, Хархордин 2008]. Таким образом, анализ практик внешней миграции предполагает рассмотрение миграции не только как единичного события или результата воздействия определенных факторов, но и как процесса, включающего множество рутинных действий и поведенческих паттернов, которые формируют опыт миграции и влияют на субъективное благополучие и профессиональную жизнь IT-специалистов.

Ключевым для анализа практик внешней миграции является понимание мотивов отъезда и возможного возвращения в страну. Согласно «теории поля» Курта Левина, человеческое действие является результатом взаимодействия индивидуальных мотивов к действию (потребности, цели) и внешних барьеров для его осуществления (сил поля, препятствий в жизненном пространстве) [Левин 2000, с. 97–103]. Таким образом, переезд в другую страну имеет место в случае, когда ожидаемые выгоды оказываются сильнее связанных с переездом трудностей и потерь.

Сходные идеи применительно к миграции отражены в модели факторов «притяжения-отталкивания», предложенной Эвереттом Ли [Lee 1966]. Эта модель рассматривает миграцию через призму *удерживающих, выталкивающих и притягивающих* параметров, которые влияют на принятие решения о переезде. Так, угрозы безопасности – сильнейший выталкивающий фактор, обуславливающий вынужденный характер миграции [Varma, Kapur 2013], а комфортные условия проживания и ощущение безопасности являются притягивающим обстоятельством [Shatokhina 2019]. Одним из распространенных мотивов переезда является политическая позиция, когда решение об эмиграции вызвано неприятием политической обстановки в стране проживания [Triandafyllidou, Gropas 2014]. Условия, уровень оплаты труда и перспективы профессионального развития являются сдерживающей причиной миграции, когда в своей стране сотрудник видит для себя привлекательные карьерные перспективы, достойную оплату труда, и, соответственно, выталкивающий фактор заключается в условиях существенного разрыва зарплатных предложений и профессиональных возможностей в пользу зарубежных работодателей [Varma, Kapur 2013; Ozcurumez, Aker 2016].

Притягивающим фактором миграции, не связанным с политическими обстоятельствами или профессиональной карьерой, становятся индивидуальные ценности, такие как потребность в познании мира, свободе перемещений, получении новых впечатлений, изучении культур разных стран. Благодаря цифровизации,

сетевизации и «связанности» современного мира получил распространение новый формат трудовой миграции – «цифровое кочевничество» как осознанный выбор кочевого или полукочевого образа жизни. Именно IT-специалисты составляют значительную часть «цифровых кочевников», использующих цифровые технологии как основной инструмент своей работы и регулярно меняющих место жительства (от нескольких недель до нескольких месяцев в одной локации) [Hannonen 2020; Добринская 2020; Пантыкина 2022; Таишева 2022]. Особенно ярко феномен «цифрового кочевничества» проявился после пандемии COVID-19, когда удаленная занятость стала новой нормальностью. Многие страны начали вводить специальные визовые программы для привлечения таких специалистов-«кочевников» [Рязанцев, Рязанцев 2024].

Еще целая группа факторов представляет контекстуальные условия, которые облегчают либо усложняют переезд. Так, наличие семьи может быть мотивирующей причиной переезда в связи со стремлением обеспечить на новом месте более комфортные условия для жизни и лучшие условия для получения детьми образования [Ozcurumez, Aker 2016]. В других же обстоятельствах наличие семьи и детей может стать препятствием, ограничивающим перемещение из страны исхода либо способствующим возвратной миграции [Cenci 2018]. Переезд за рубеж коллег, знакомых или близких людей нередко побуждает последовать их примеру [Ozcurumez, Aker 2016]. Интересно, что именно для IT-специалистов характерно формирование диаспор и переезд диаспорами – группами людей, связанных общей культурой, обладающих семейными или дружескими связями [Antoschyuk 2019; Антощук, Леденева 2019]. Отсутствие имущества, прежде всего жилья в стране исхода, может стать выталкивающим фактором для переезда за рубеж [Urbański 2022], в то время как наличие недвижимости, личного транспорта и кредитных обязательств может сдерживать миграционные намерения [Таишева 2022]. Такие личностные качества, как адаптивность и самоэффективность, способствуют усилению миграционных намерений, в то время как конформизм и неуверенность в себе – сильный сдерживающий фактор миграции [Таишева 2022]. Владение иностранным языком и культурная близость часто выступают притягивающей причиной, определяющей выбор стран для переезда. Соответственно, большая культурная дистанция, нежелание встраиваться в чужую культуру затрудняют адаптацию мигрантов на новом месте жительства, являясь сильным фактором, удерживающим от переезда [Fedorova 2019].

Миграция российских IT-специалистов после февраля 2022 г.: новые тенденции

Помимо ранее рассмотренных в литературе, отметим особенности внешней миграции IT-специалистов, проявившиеся с 2022 г., когда, во-первых, резко увеличился миграционный поток, характеризующийся двумя масштабными волнами – весной и осенью 2022 г. Помимо официальных и косвенных оценок состоявшейся эмиграции, значительно вырос и интерес к теме эмиграции в целом, о чем свидетельствуют результаты анализа «цифровых следов» на русскоязычных Интернет-ресурсах – например, поисковых запросов на платформе Яндекс

[Anastasiadou et al. 2024]. Похожие результаты были получены и в ходе проведенного нами анализа на платформе YouTube применительно к эмиграции IT-специалистов⁵. Этот рост виден как в количестве выпущенных за этот год видеороликов, так и комментариев к ним (рисунок 1). Также в 2022 г. заметно возросла активность создания публикаций на тему эмиграции на «Хабре»⁶ – российском Интернет-портале для IT-специалистов (рисунок 2)⁷.

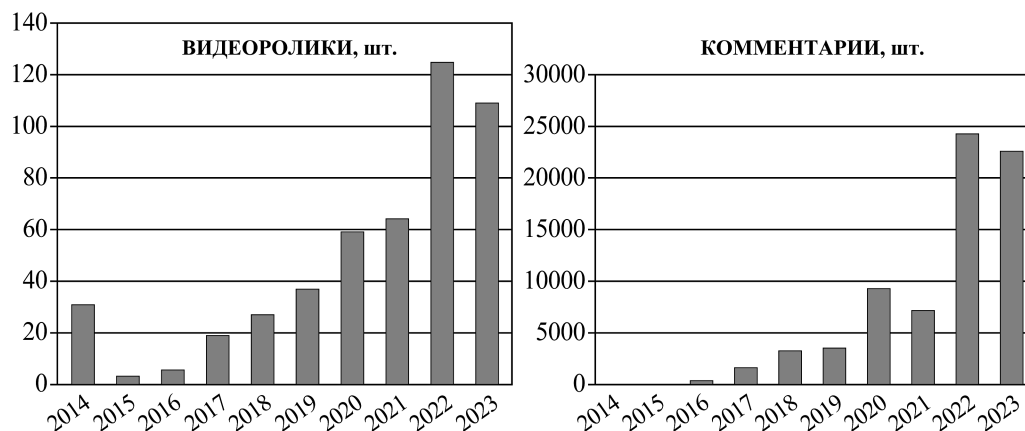

Рисунок 1. Распределение частоты публикации видеороликов на тему миграции в IT и комментариев к ним по годам

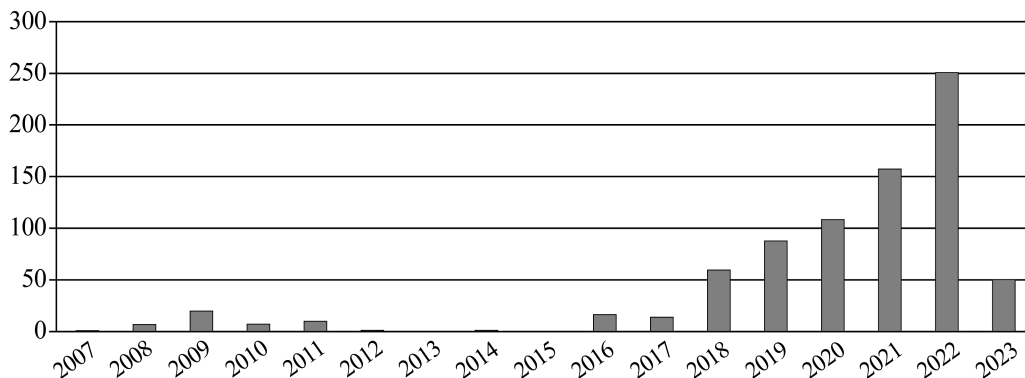

Рисунок 2. Распределение количества статей в хабе «IT-эмиграция» на портале www.habr.ru по годам

⁵ Сбор данных осуществлялся с помощью скрипта на языке Python через API YouTube. Среди всего существующего на видеохостинге контента по поисковым запросам – «релокация программист» и «переезд программист» – были отобраны 479 видеороликов и 71 304 комментариев к ним. В выгрузке оказались видеоролики за период с 21.01.2014 по 31.12.2023 г. и комментарии за период с 13.02.2014 по 31.12.2023 г.

⁶ www.habr.ru

⁷ Сбор данных осуществлялся с помощью библиотеки Requests на языке программирования Python. Были собраны все доступные характеристики публикаций в разделе «IT-эмиграция». На момент сбора данных раздел содержал статьи, опубликованные с 16.10.2007 по 14.04.2023 г. В итоговую базу попала 791 статья.

Во-вторых, если в предыдущие годы миграция российских IT-специалистов обуславливалась прежде всего притягивающими экономическими мотивами [Земнухова 2015; Demintseva 2021], то после начала СВО на первый план стали выходить такие выталкивающие причины, как неприятие действий руководства страны и ощущение угрозы личной безопасности. Выталкивающие экономические мотивы миграции оказались связанными с политикой взаимных санкций России и Запада – блокировкой банковских счетов, ограничениями на перевод средств из-за рубежа, что ограничивало или делало невозможными самозанятость или ведение бизнеса с зарубежными партнерами и заказчиками [Melkumyan, Melkonyan 2023; Ganev 2025]. Это подтолкнуло россиян к самостоятельной миграции для спасения своего бизнеса или возможности осуществления индивидуальной трудовой деятельности и к релокации в связи с переносом иностранными компаниями-работодателями своих офисов из России в другие страны. Некоторые авторы характеризуют переезд в связи с релокацией как «летнюю волну» эмиграции 2022 г.⁸ Приводятся оценки, что, помимо ухода западных компаний, в одном только Казахстане за первые девять месяцев 2022 г. зарегистрировали свой бизнес более 15 тыс. компаний с российским капиталом⁹. Отъезд в связи с релокацией работодателя можно назвать квази-добровольным: формально будучи решением самого работника, в реальности отъезд являлся результатом жестких условий работодателя, перспективой потери / вынужденной смены работы.

В-третьих, особенностью внешней миграции из России после февраля 2022 г. стал выбор локаций для переезда. Если в предшествующие годы, в период доминирования притягивающих факторов эмиграции, IT-специалисты чаще всего выбирали для переезда страны Северной Америки и Западной Европы (преимущественно Германию, Великобританию) [Казанцев, Боришнолец 2013; Demintseva 2021], то в 2022–2023 гг. основной поток миграции из России был направлен в страны, куда можно переехать относительно легко и быстро: туда, где нет необходимости оформлять загранпаспорт, визу или вид на жительство, причем многие мигранты рассматривали эти страны как транзитные для предполагаемого дальнейшего переезда в страны глобального Севера [Anastasiadou et al. 2024; Baranova 2023; Gulina 2023; Kuleshova et al. 2023; Lomakin 2024]. Эта тенденция отражена и в проведенном нами анализе частоты упоминаний локаций в комментариях на YouTube (рисунок 3)¹⁰, где заметно реже стали упоминаться США и Германия и чаще – страны СНГ (в особенности Казахстан и Узбекистан), Грузия, Турция, Кипр.

В-четвертых, характерной чертой внешней миграции после начала СВО стал социальный состав уехавших. Их ядро составили представители среднего класса, высококвалифицированные специалисты и владельцы бизнеса [Gulina 2023; Lomakin 2024; Ruseishvili, Ryazantsev 2024], среди которых была высока доля представителей именно IT-специалистов, чьи навыки востребованы независимо от места их проживания в значительной степени благодаря воз-

⁸ Тумакова И. (2022) Страна убытия // Новая газета. 27 декабря 2022 // <https://novayagazeta.ru/articles/2022/12/27/strana-ubytiia>, дата обращения 26.07.2025.

⁹ Vasilkova A., Osipova I. (2022) Russian Companies Continue Relocate to Central Asia // Kz.Kursiv.Media, September 21, 2022 // <https://kz.kursiv.media/en/2022-09-22/russian-sompanies-continue-to-relocate-to-central-asia>, дата обращения 18.03.2025.

¹⁰ Именованные сущности типа LOC встречаются в описаниях, комментариях и тэгах к 96% всех видеороликов в выборке и в 25% комментариев к видеороликам. После получения списка упоминаний локаций база данных была разделена на две группы – до и после начала СВО. Были составлены облака слов по каждому из срезов.

возможности удаленной занятости. Приводятся оценки, что айтишники составляли почти половину работающих мигрантов первой (весенней) волны 2022 г. [Kamalov et al. 2022; Kuleshova et al. 2023]. С учетом вышеупомянутых новых локаций для переезда нетипичным является относительно высокий (в сравнении с населением принимающих территорий) уровень доходов многих мигрантов [Baranova, Podolsky 2023].

Рисунок 3. Облака встречаемости названий географических локаций в комментариях к видеороликам на тему миграции в IT, опубликованным до и после 24 февраля 2022 г.

Источник: авторские данные – автоматизированная выгрузка на YouTube.

Многие российские релоканты столкнулись со стандартными для вынужденных мигрантов проблемами – правовой незащищенностью, нахождением в серой зоне с точки зрения их правового статуса, дезориентированностью, неопределенной идентичностью, иногда с дискриминацией и негативным отношением со стороны местного населения. Это дает основания авторам характеризовать их как «новое меньшинство» [Lomakin 2024]. Многие мигранты считают, что не могут контролировать свое будущее – ни на новом месте жительства, ни в случае возвращения домой [Baranova, Podolsky 2023]. При этом отмечаются и некоторые нетипичные стратегии: мигранты волны 2022 г. полагались в большей степени на сети взаимопомощи среди таких же, как они, чем на интеграцию с населением принимающих территорий или русскоязычными сообществами предыдущих волн эмиграции [Kamalov et al. 2022]. Вместо того, чтобы искать работу в принимающей стране, многие мигранты пытались либо сохранить те источники дохода, которые они имели в России, либо искали работу в странах глобального Севера [Kuleshova et al. 2023].

Итак, имеющиеся на сегодняшний день исследования дают понимание специфики внешней миграции российских IT-специалистов после февраля 2022 г. Вместе с тем недостаточно рассмотренными, по нашему мнению, остаются такие вопросы, как стратегии адаптации на новом месте жительства, планы мигрантов на ближайшее будущее и перспективы их возвращения в Россию. Отдель-

ного рассмотрения заслуживает оценка субъективного благополучия уехавших специалистов в сравнении с оставшимися – «выиграли» или «проиграли» уехавшие и оставшиеся? К этим вопросам мы обратились в серии глубинных интервью и в стандартизованном опросе.

Мотивы и практики переезда IT-специалистов в 2022–2023 гг.: результаты глубинных интервью

Качественный этап исследования был проведен в период с ноября 2022 по октябрь 2023 г. Было составлено два гайда – для уехавших и для оставшихся в России IT-специалистов. Рекрутинг информантов для интервью производился методом снежного кома. Первоначальные респонденты (точки входа) были отобраны целенаправленно из личных и профессиональных контактов авторов исследования в IT-среде. Критериями для обеспечения разнообразия выборки были миграционный статус, география мигрантов, IT-специальности, опыт работы, тип компании (российские и международные), семейное положение. Интервью с проживающими за рубежом проводились онлайн, с находящимися в России – как онлайн, так и в формате личных встреч. Состоялось 21 интервью, из которых 14 – с уехавшими в 2022–2023 гг. IT-специалистами, 5 – с оставшимися в России, 2 – с возвратными мигрантами. Возраст информантов – от 22 до 40 лет; 16 чел. – мужчины, 5 – женщины. Для анализа данных был использован метод открытого и осевого кодирования.

Мотивы переезда российских IT-специалистов

Ведущим мотивом переезда для IT-специалистов стал страх попасть под влияние неблагоприятных факторов, угрожающих жизни и здоровью. Так, участники интервью отмечали, что для них переезд – это «*вопрос личной безопасности*» (ж., 24 года, тестировщица, Кипр)¹¹. В первую очередь при принятии решения о переезде информанты руководствовались эмоциями и ощущениями: они покидали страну в поисках спокойствия и личного комфорта как для себя, так и для своих близких и обозначали внешние факторы, которые стоят за этой тревожностью.

«Слишком высокий уровень неопределенности, в котором мне некомфортно жить и работать со своей семьей» (м., 36 лет, разработчик, Черногория);

«Непонятные перспективы в плане экономическом, политическом» (ж., 29 лет, проектный менеджер, Грузия);

«Вероятность мобилизации <...> довольно-таки высока» (ж., 24 года, тестировщица, Кипр).

¹¹ Здесь и далее указаны пол, возраст, отрасль IT-деятельности и страна проживания информанта на момент проведения интервью.

Исходя из этого, перспективы возвращения в Россию они описывали через устранение этих внешних факторов.

Стратегии, практики переезда и проблемы на новом месте

Мигранты использовали различные стратегии переезда, исходя из своих возможностей и ограничений: кто-то переезжал, получив предложение о работе в стране переезда или оформив вид на жительство, позволяющий закрепиться за рубежом; другие респонденты отмечали, что переезд осуществлялся без предварительной подготовки, в связи с чем они сталкивались с ограничениями пребывания в стране въезда, вынуждены были постоянно менять страну пребывания или ненадолго покидать страну, чтобы затем в нее вернуться. *«Каждый раз надо устраиваться»*, – заключил один из информантов (м., 30 лет, разработчик, ОАЭ), подчеркивая наличие как бытовых, так и психологических трудностей, возникающих при постоянных вынужденных перемещениях между странами.

Основные практики переезда IT-специалистов в 2022–2023 гг. можно разделить на три группы.

1. Безвозвратная миграция (эмиграция) предполагает закрепление на территории въезда. К таким перемещениям, скорее, склонны семьи (особенно с детьми), так как для них важно обеспечить им стабильную и комфортную жизнь. IT-специалисты, имеющие детей и/или находящиеся в браке, стремятся к максимальной стабильности и уверенности, поэтому стараются выбрать страну так, чтобы в дальнейшем не приходилось переезжать повторно. Они продумывают больше шагов и нюансов при выборе страны для переезда (выбирают страны с русскоязычным комьюнити, достойным образованием для детей, хорошим медицинским обслуживанием, комфортным климатом).

2. «Цифровое кочевничество», или «жизнь в путешествии», – практика, подразумевающая частые (с интервалом в несколько месяцев) переезды из одной страны в другую. Это стратегия молодых одиночек, и основным их мотивом является получение нового опыта и желание изучать культуру других стран. Также эта стратегия может быть направлена на поиск комфортного для себя места, чтобы впоследствии там закрепиться.

«В какой-то момент, возможно, у меня получится найти какую-нибудь страну, где мне прям [сильно – прим. авторов] понравится, где будет очень красиво, приятно находиться, будут классные люди» (м., 29 лет, тестировщик, Азербайджан).

При этом высказывались и аргументы о неприемлемости перспективы «цифрового кочевничества».

«Ты постоянно находишься на чемоданах, то есть не остаешься на одном месте на долгое время, не можешь в этом плане расслабиться» (ж., 28 лет, тестировщица, Азербайджан).

3. К возвратной миграции склонны специалисты, которые изначально планировали временный переезд, уезжали «на эмоциях»: «*Мы не сжигали мосты, мы просто поехали*» (м., 34, аналитик данных, Кипр). Основным фактором возвратной миграции является снижение чувства тревоги, преследовавшего мигранта перед отъездом, либо привязанность к семье, оказавшаяся сильнее внутренних переживаний.

«У меня ощущение, что я нахожусь в затянувшихся гостях» (м., 40 лет, управление проектами, Израиль).

В целом, тоска по близким людям представляется одной из ключевых проблем, возникших в процессе разговора с информантами. Отсутствие живого общения с родными и друзьями вызывало много противоречивых эмоций: на одну чашу весов IT-специалисты ставили субъективное ощущение собственной безопасности, а на другую – семью.

«Я уехал от родных и думаю пока о том, а вообще стоит ли оно того? В чем счастье? Потому что я его [кажется – прим. авторов] оставил в России, с родными. Мое счастье было в том, чтобы по выходным с ними видеться, с бабушкой общаться» (м., 29 лет, тестировщик, Азербайджан).

Дискомфорт от разрыва социальных связей ощущали и информанты, оставшиеся в России, поэтому стремление к воссоединению может оказаться притягивающим фактором их эмиграции в будущем.

«Было очень тяжело адаптироваться. Я езжу к друзьям в гости в страны, в которые не нужна виза, но в целом мне, конечно, очень плохо от ощущения, что мы вряд ли когда-нибудь соберемся в одной стране кругом близких мне людей. И это все, конечно, очень грустно. <...> Я ищу работу в странах, где у меня сейчас друзья находятся, чтобы у меня было хоть одно знакомое лицо» (ж., 24 года, менеджер проектов, Россия).

Среди других факторов в процессе общения с информантами-мигрантами отмечались финансовые вопросы, касающиеся вывода средств с российских счетов, обмена валюты, трудности поиска привычных продуктов питания и товаров, проблемы с транспортом, плохая или дорогая медицина. Однако все эти бытовые факторы не становились значимыми для того, чтобы вернуться в Россию. Информанты, которых не беспокоила тоска по близким, были склонны считать опыт переезда правильным.

«Это верное решение с точки зрения и личного развития, и безопасности, и какой-то дальнейшей жизни» (м., 29 лет, продакт-менеджер, Азербайджан).

Интересно, что языковой барьер не упоминался в числе первоочередных проблем, с которыми сталкиваются мигранты: так, один из информантов отмечал отсутствие мотивации изучать язык страны пребывания.

«В Мюнхене очень много иностранцев, и с английским языком здесь вполне себе можно прожить» (м., 26 лет, специалист по спецификациям в мобильной связи, Германия).

Мотивы, трудовая деятельность и субъективное благополучие уехавших и оставшихся IT-специалистов: результаты онлайн-опроса

Количественный этап исследования был проведен в феврале – марте 2024 г. и представлял собой онлайн-опрос трех групп работников IT – уехавших из России; не уезжавших; возвратных мигрантов.

Общей проблемой исследований российской внешней миграции под влиянием событий 2022 г. является отсутствие надежных статистических данных о генеральной совокупности ввиду масштабности и продолжительного характера этого вида миграции, неснятия многих уехавших с регистрационного учета в РФ, перемещения их между странами, въездов по туристическим визам, разных систем миграционного учета и того, что не все страны опубликовали статистику по въехавшим на их территорию мигрантам [Kamalov et al. 2022; Baranova 2023; Wachs 2023; Anastasiadou et al. 2024; Lomakin 2024]. Данное обстоятельство делает невозможным проведение опросов на основе вероятностных выборок. Имеющиеся на данный момент опросы этой категории респондентов проводятся в онлайн-формате и основаны на «удобных» и «поточковых» выборках, а основным источником рекрутирования респондентов являются специализированные группы и чаты в соцсетях и мессенджерах¹² [Kamalov et al. 2022; Mass Exodus of Russians 2023; Kuleshova et al. 2023].

В рамках нашего исследования набор респондентов осуществлялся методом потоковой выборки в трех тематических сообществах мессенджера Telegram – «Айти Тудэй», «RelocationDEV by GeeckoMove», «IT Relocation (Inflow)». Выбор этих тематических сообществ был обусловлен доступностью целевой аудитории, активностью и большим числом участников (суммарно около 15 тыс.), а также специализацией этих сообществ на вопросах, связанных с миграцией IT-специалистов. Сбор данных был организован на платформе SurveyStudio. Анализ проводился с помощью статистического пакета Randaln, реализованного на Python.

¹² Крюков В. (2025) РАНХиГС: в Россию вернулись 10% релокантов // Ведомости. 7 февраля 2025 // <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/07/1090699-v-rossiyu-vernulis>; Портрет релоканта. Кто продолжает работать на российские компании (2025) // РБК. 7 июля 2025 // https://pro.rbc.ru/demo/689387599a79474b0c0ed772?utm_source=telegram&utm_medium=messenger&utm_campaign=rbc_pro&utm_content=689387599a79474b0c0ed772, дата обращения 07.08.2025.

Характеристики выборки

Общее количество полностью заполненных анкет респондентов, удовлетворявших критериям отбора (IT-специалисты), составило 316. На момент опроса 38% респондентов проживали в России и не имели опыта переезда за рубеж, 54% проживали за рубежом, а еще 8% уезжали, но вернулись в Россию. Большинство принявших участие в исследовании – мужчины (85%). Возраст опрошенных – от 18 лет до 51 года; средний и медианный возраст – 30 лет. Высшее образование имеют 82% респондентов.

86% респондентов работают по найму; 11% являются индивидуальными предпринимателями или самозанятыми. Абсолютное большинство работающих по найму (97%) трудятся в организациях частной формы собственности. По уровню должности 9% находятся на уровне *junior*, 33% – *middle*, 43% – *senior*, 13% – *team leader*.

Почти половина респондентов (48%) состоят в официально зарегистрированном браке, еще 15% живут в гражданском браке. Большинство респондентов не имеют детей (79%); 14% имеют одного ребенка, 6% – двоих детей, 1% – троих.

Уехавшие и оставшиеся IT-специалисты: выталкивающие и удерживающие факторы миграции

Сравнение подвыборок уехавших и оставшихся IT-специалистов показало, что наиболее значимые различия наблюдаются в уровне должности среди работающих по найму респондентов (таблица 1).

Таблица 1. Распределение по уровню должности среди работающих по найму, %

Уровень должности	Остались в России	Уехали из России
Junior	13	3
Middle	42	24
Senior	29	57
Team leader	12	15
Другое	4	1
Итого	100	100

Данные таблицы 1 подтверждают неблагоприятную для российской экономики тенденцию ухудшения квалификационной составляющей рабочей силы вследствие оттока специалистов за рубеж: в последние два года уехали более квалифицированные *senior*- и *middle*-разработчики¹³, то есть наиболее

¹³ Греф рассказал о двух волнах оттока IT-специалистов из «Сбера» в 2022-м (2023) // РБК. 9 марта 2023 // https://www.rbc.ru/business/09/03/2023/6409af299a79470d6115e3a7?from=newsfeed?utm_source=telegram&utm_medium=messenger, дата обращения 13.03.2025.

востребованные категории сотрудников. Та же идея выявляется и на основе косвенных оценок – анализа профилей и сетей взаимодействия разработчиков на платформе GitHub. Российские разработчики, которые после февраля 2022 г. сменили либо скрыли локацию в своих профилях, значительно более активны и занимают центральные позиции в сетях коллабораций по сравнению с программистами, оставшимися в России. Скорее всего, это свидетельствует о более высокой квалификации и статусе уехавших [Wachs 2023].

Группа мигрантов в нашем опросе несколько старше, чем оставшиеся (медианный возраст 31 и 28 лет соответственно), и имеет больший стаж работы в ИТ. Мигранты реже оставшихся работают по найму (81 и 95% соответственно); 17% уехавших – это индивидуальные предприниматели или самозанятые. Столь высокая доля самостоятельных экономических агентов среди мигрантов подтверждает, насколько значимыми были выталкивающие экономические мотивы отъезда, связанные с политикой взаимных санкций России и Запада.

Субъективные оценки респондентами доли айтишников из своего окружения, покинувших Россию после февраля 2022 г., значительно выше официальных данных и результатов других исследований, которые варьируются в диапазоне 4–8%¹⁴. Оставшиеся в России респонденты в среднем ответили, что уехали из страны 25% специалистов из ИТ-сферы, с которыми они лично знакомы. Интересно, что примерно такие же цифры приводятся в результате упомянутого выше анализа профилей разработчиков на GitHub: за 12 месяцев после начала СВО сменили указание страны либо скрыли локацию 28% разработчиков из России, что в несколько раз выше среднего показателя стран Восточной Европы (8%) [Wachs 2023]. Уехавшие респонденты в нашем опросе в среднем считают, что эмигрировала почти половина их знакомых из ИТ – 46%.

Таблица 2. Частота упоминания причин отъезда ИТ-специалистов из России, %

Причины отъезда	%
Отсутствие уверенности в личной безопасности в России	82
Политическое несогласие с тем, что происходит в России	79
Ухудшение условий работы в России после февраля 2022 г. (блокировка сайтов, ПО, банковских карт и т. п.)	49
Хотели начать путешествовать, посмотреть мир	25
Релокация (работодатель перевез офис в другую страну, специалист тоже переехал(а))	21
Уехали коллеги, знакомые из сферы ИТ (позвали с собой/сам(а) решил(а) поехать за ними)	15
Получили выгодное предложение по работе в другой стране	14
Решение семьи (убедили родственники, родители, супруг(а))	13

¹⁴ Количество ИТ-специалистов в России увеличилось на 13% (2024) // Минцифры РФ. 5 апреля 2024 // <https://digital.gov.ru/news/kolichestvo-it-speczialistov-v-rossii-uvelichilos-na-13/>; Настроения ИТ-специалистов в России // РАЭК // <https://raec.ru/activity/analytics/13257/>; Исходный код идеальной работы для ИТ-специалиста 2024 // Блог Selecty // <https://selecty.ru/source-code-it>, дата обращения 13.03.2025.

Как видно из *таблицы 2*, среди мотивов переезда IT-специалистов абсолютно доминирующими оказались негативные, выталкивающие факторы. Притягивающие мотивы упоминаются значительно реже и являются, скорее, сопутствующими трем доминирующим.

Решение о переезде стало для многих трудным выбором между вышеупомянутыми побудительными мотивами и барьерами [Левин 2000]. Самыми сильными удерживающими факторами, которые заставляли мигрантов сомневаться в целесообразности и возможности отъезда, были оставшиеся в России семья (31%) и друзья (27%). Что касается сдерживающих факторов миграции в подвыборке оставшихся в России респондентов, то они четко разделились на два блока (*таблица 3*).

Таблица 3. Результаты факторного анализа причин, удерживающих от отъезда за рубеж

Варианты ответа	Факторные нагрузки переменных		% выбранных ответов
	Позитивные удерживающие факторы	Негативные барьеры переезда	
Устраивает место работы в России	0,746	-	45
Считаю, что в России наилучшие условия для моей жизни	0,705	-	41
Считаю себя патриотом своей страны	0,660	-	25
Нет желания, не вижу причин для переезда	0,660	-	41
Вся семья/часть семьи проживает в России	0,432	-	72
Есть отсрочка от призыва в армию/бронь от мобилизации	0,245	-	36
Наличие имущественных обязательств (кредиты, ипотеки)	-	0,460	20
Сложности в оформлении документов (ВНЖ, визы, паспорта и проч.)	-	0,435	33
Наличие недвижимого имущества (квартира, дача), автомобиля	-	0,431	42
Отсутствие финансовых ресурсов, накоплений	-	0,391	32
Состояние здоровья (личное или близких)	-	0,388	20

Первый блок удерживающих факторов – это фактическое отсутствие мотивов для переезда или позитивные, притягивающие к нынешнему месту жительства обстоятельства жизни респондентов. Он включает комфортность проживания и работы в стране, патриотические настроения и чувство ответственности за близких людей. Как видим, наиболее часто упоминаемым позитивным фактором стало наличие в России семьи (72%).

Второй блок включает в себя группу негативных факторов, ограничений, которые являются барьерами при желании человека переехать, и ведущим фактором оказалась «обремененность» респондентов дорогостоящим имуществом, несколько реже упоминались юридические и финансовые барьеры для переезда.

Половина мигрантов на момент проведения опроса проживали в той же стране, куда они напрямую переехали из России; еще 32% успели пожить в двух странах; 12% – в трех. 6% можно отнести к «цифровым кочевникам», сменившим за полтора-два года четыре и более стран пребывания. Таким образом, мигранты в нашей выборке оказались более мобильными, чем, например, в исследовании РАНХиГС, согласно которому лишь 27% опрошенных меняли зарубежную страну проживания во время эмиграции¹⁵.

Что касается выбора стран для переезда, то половина опрошенных (в соответствии с описанными в литературе тенденциями прошлых лет) выбрали страны Европы, Северной Америки, Израиль и ОАЭ. На эти территории переехали в общей сложности 53% респондентов; другая же половина приходится на локацию, не востребованные ранее, – это страны СНГ (18%), Грузия (15%), страны Южной Азии (8%), Турция (3%). Самым часто упоминаемым мотивом выбора страны была возможность въезда без получения визы (49%).

Наиболее часто упоминаемыми респондентами условиями, которые могли бы повлиять на их возвращение, стали изменение политической обстановки в России и окончание СВО (*таблица 4*), а главный личный мотив для возможного возвращения – необходимость заботиться о близких людях, оставшихся в России.

Таблица 4. Условия потенциального возвращения IT-специалистов, %

Условия	%
Изменение политической обстановки в России	70
Окончание Специальной военной операции	49
Необходимость заботиться о родственниках/близких в России	37
Состояние здоровья (ваше или близких)	25
Финансовые затруднения	18
Гарантии личной безопасности, бронь от армии	17
Тоска по дому (и/или семье, друзьям)	8
Ничего, не планирую возвращаться	18

Трудовое поведение и субъективное благополучие уехавших и оставшихся IT-специалистов

Большая часть уехавших респондентов (66%) до переезда являлись сотрудниками российских компаний, 27% – иностранных; после переезда 34% сохранили свое место работы, перейдя на удаленный формат; 22% продолжили работу в зарубежных подразделениях своих же компаний, однако большинство (44%) перешли на работу в другие компании. В результате этих переходов на момент проведения опроса 64% уехавших респондентов работали в иностранных компаниях, 30% –

¹⁵ Крюков В. (2025) РАНХиГС: в Россию вернулись 10% релокантов // Ведомости. 7 февраля 2025 // <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/02/07/1090699-v-rossiyu-vernulis>, дата обращения 20.12.2025.

в российских. Ожидаемо, что уехавшие значительно чаще работали полностью удаленно (63%), чем оставшиеся (45%).

Поиск работы стал одним из важнейших решений, которые пришлось принимать уехавшим специалистам. Интересно, что в обеих группах – как уехавших, так и оставшихся – одинаково доминировали формально-меритократические каналы поиска работы – через сервисы по поиску работы, кадровые агентства, рассылку резюме (более 50%, что значительно выше, чем в среднем среди российских работников в других отраслях [Эфендиев и др. 2010]). При этом в группе уехавших почти вдвое была выше доля нашедших работу благодаря профессиональным социальным связям – через деловых знакомых, коллег, клиентов (21 против 13%). Это свидетельствует о том, что, во-первых, социальные связи являются важным ресурсом мигрантов, позволяющим адаптироваться на новом месте жительства, во-вторых, в группе уехавших, как было отмечено выше, больше доля специалистов высокого уровня квалификации, которым более доступны репутационные каналы трудоустройства.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Если случится так, что Вы потеряете нынешнюю работу, насколько Вы уверены в том, что сможете найти другую работу, которая бы Вас устраивала по следующим характеристикам?», % по строке

Группы респондентов	Не уверены/совсем не уверены	Средняя уверенность	Уверены/полностью уверены
<i>По графику работы, условиям труда</i>			
Остались в России	10	25	65
Уехали из России	4	18	78
<i>По содержанию работы</i>			
Остались в России	15	24	61
Уехали из России	8	23	69
<i>По уровню заработной платы</i>			
Остались в России	6	17	77
Уехали из России	9	31	60

Необходимость дополнительных усилий по адаптации на новом месте жительства отражается и в более высокой активности уехавших IT-специалистов на рынке труда. Чаще, чем оставшиеся, они держали открытыми свои резюме на сайтах поиска работы и специализированных платформах для айтишников (41%), отслеживали появление вакансий (34%), отправляли резюме работодателям (16%), проходили собеседования (17%). Чаще, чем оставшиеся, мигранты получали за последние 12 месяцев предложения о трудоустройстве (79 и 68% соответственно). Это, на наш взгляд, является отражением упомянутого выше факта, что уехали за рубеж более опытные и востребованные специалисты уровня *middle* и *senior*.

При этом неоднозначными являются субъективные оценки айтишниками своей востребованности на рынке труда. Как видно из распределений *таблицы 5*,

российские IT-специалисты за рубежом выше оценивали возможность найти другую работу, которая бы устраивала их по условиям и содержанию труда, однако оставшиеся в России айтишники выше оценивали вероятность нахождения альтернативной занятости с приемлемым для них уровнем заработной платы. Вероятно, последнее является отражением «гонки зарплат» в условиях острого дефицита кадров в IT-сфере. Обратим внимание на некоторые существенные различия в оценках респондентами изменений в своей жизни за последние два года (таблица 6).

Таблица 6. Распределение ответов по оценкам изменений в жизни респондентов, % по строке

Группы респондентов	Снизились, скорее снизились	Не изменились	Повысились, скорее повысились
<i>Уровень дохода</i>			
Остались в России	10	21	69
Уехали из России	12	22	66
<i>Количество людей, с которыми общаются по работе</i>			
Остались в России	16	36	48
Уехали из России	21	41	39
<i>Количество родственников, друзей, с которыми общаются</i>			
Остались в России	26	54	20
Уехали из России	55	34	11
<i>Объем выполняемой работы</i>			
Остались в России	9	48	43
Уехали из России	19	61	20
<i>Сложность выполняемой работы</i>			
Остались в России	5	38	57
Уехали из России	15	53	31
<i>Напряженность, психологические нагрузки на работе</i>			
Остались в России	15	46	39
Уехали из России	29	41	30

Как видно из таблицы 6, при отсутствии значимых различий в изменении уровня дохода среди уехавших почти вдвое больше тех, кто отметил снижение уровня жизни в целом, что, очевидно, связано с затратами на переезд и необходимостью обустроиваться на новом месте. Самой главной потерей, связанной с переездом, стали дефицит живого общения, разрыв родственных и дружеских связей, отмеченный более чем половиной мигрантов.

Интересны и оценки респондентами изменений в своей жизни, связанных с работой. В группе оставшихся в России оказалась значительно выше доля отметивших увеличение сложности и объема выполняемой работы, рост интенсивности труда. По нашему мнению, это объясняется прежде всего реакцией работодателей на кадровый дефицит IT-специалистов: из-за нехватки персонала многие

организации увеличили нагрузку на действующих сотрудников¹⁶. Что же касается уехавших специалистов, то среди них, напротив, значительно выше доля тех, кто отмечал снижение объема работы, психологических нагрузок и, что настораживает более всего, сложности выполняемой работы. Можно предположить, что значительная часть IT-мигрантов на момент опроса выполняли работу ниже своего уровня квалификации, приобретенной за период работы в России. Таким образом, обратной стороной удобства, комфорта и безопасности может быть перспектива деградации уехавших IT-специалистов. Кроме того, часть мигрантов были вынуждены сменить профиль своей деятельности в рамках профессии, проходить переобучение, начиная таким образом работу с «азов» [Fedorova 2019].

«Я сильно понизился в должности, и мои функции стали совсем другими, чем те, которыми я занимался в Москве. <...> Можно сказать, что я вернулся где-то на 13 лет назад. То есть я 13 лет назад впервые вышел на позицию руководителя проектов, и, по сути, та позиция, на которую я вышел сейчас, она очень близка» (м., 40 лет, управление проектами, Израиль).

Сравнительный анализ уровня субъективного благополучия уехавших и оставшихся IT-специалистов измерялся через уровень удовлетворенности как отдельными аспектами своей жизни, так и жизнью вообще. Значимые различия между уехавшими и оставшимися были зафиксированы по таким параметрам, как чувство личной безопасности (выше у мигрантов), возможности общения с родственниками, друзьями (выше у оставшихся) (таблица 7).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены следующими сторонами своей жизни?», значимые различия, % по строке

Группы респондентов	Совсем не удовлетворены, скорее не удовлетворены	И да, и нет	Полностью удовлетворены, скорее удовлетворены
<i>Чувством личной защищенности, безопасности</i>			
Остались в России	42	12	46
Уехали из России	5	13	82
<i>Возможностями общения с родственниками, друзьями</i>			
Остались в России	7	9	84
Уехали из России	27	33	40

Как видим, оценки изменений в своей жизни и удовлетворенности разными аспектами своей жизни в группах уехавших и оставшихся в России IT-специалистов довольно противоречивы. Уехавшие специалисты «выиграли» в чувстве личной

¹⁶ В ЦБ описали стратегии удержания сотрудников на фоне дефицита кадров (2024) // РБК. 13 декабря 2024 // <https://www.rbc.ru/economics/13/12/2024/675af1929a79474ff5d25c6d?from=newsfeed>, дата обращения 13.03.2025.

безопасности, комфортности работы в плане содержания и графика труда, однако «потеряли» в качестве социальных связей, возможностях живого общения с друзьями и родственниками; часть из них, как мы отмечали выше, столкнулась с рисками депрофессионализации. Оставшимся в России айтишникам не пришлось проходить через принятие трудных решений и адаптацию, связанную с переездом. Основные изменения в их жизни связаны с повышением своей востребованности на российском рынке труда, уверенностью в получении достойной заработной платы, которой, однако, сопутствовали более высокие трудовые нагрузки, интенсивность и психологическая напряженность труда.

Для общей сравнительной характеристики субъективного благополучия уехавших и оставшихся был построен единый Индекс удовлетворенности жизнью. Предварительно был выполнен анализ надежности, показывающий степень согласованности разных параметров удовлетворенности жизнью. Итоговый индекс был рассчитан как среднее значение по семи переменным, отражающим степень удовлетворенности, – содержанием своей работы; возможностями обучения, профессионального развития на работе; графиком своей работы, объемом и условиями труда; уровнем заработной платы; материально-бытовыми, жилищными условиями; возможностями общения с родственниками, друзьями; качеством досуга. Показатель α Кронбаха составил 0,7, что указывает на высокую согласованность ответов. Значение общего Индекса удовлетворенности жизнью оказалось выше у оставшихся в России (4,11 по пятибалльной шкале), чем у уехавших (3,85).

Для ответа на вопрос, что определяет общий уровень удовлетворенности жизнью уехавших и оставшихся респондентов, был выполнен линейный регрессионный анализ с зависимой переменной Индекса удовлетворенности. В *таблице 8* представлены три модели по всей выборке среди оставшихся и уехавших специалистов.

Отметим наиболее важные, на наш взгляд, результаты регрессионного анализа. Тот факт, что в целом по выборке принадлежность к группе уехавших оказалась негативным предиктором общей удовлетворенности жизнью, свидетельствует о том, что по совокупности позитивных и негативных аспектов уехавшие на момент опроса «проигрывали» в показателях субъективного благополучия тем, кто остался.

Субъективное благополучие уехавших и оставшихся IT-специалистов предсказывается разными факторами. Единственным общим значимым предиктором, снижающим удовлетворенность жизнью, оказалось увеличение напряженности и психологических перегрузок на работе. Самые высокие коэффициенты предикторов удовлетворенности жизнью связаны с материальными аспектами. Однако для оставшихся в России это оценка текущего уровня потребления, тогда как для уехавших – перспектива нахождения работы с приемлемым уровнем зарплаты. Иными словами, для мигрантов уверенность в будущем более значима, чем ситуация «здесь и сейчас».

Принципиально важным представляется тот факт, что значимым предиктором общей удовлетворенности жизнью для IT-мигрантов является офисный формат работы. Работа в офисном формате – это структурированная профессиональная среда, которая в последние годы подвергается критике за чрезмерную регламентированность и микроменеджмент. Тем не менее полностью удаленный формат не является предпочтительным для большинства сотрудников россий-

ских IT-компаний, и основным недостатком удаленной работы называется нехватка личных взаимодействий с коллегами [Балабанова, Молчанова 2022]. Поэтому в условиях разрыва значимых социальных связей, маргинальности положения мигрантов именно работа в офисе оказывается важным адаптационным ресурсом. Она предполагает практики ежедневных социальных взаимодействий, сотрудничество и работу в командах, что отчасти компенсирует уехавшим специалистам дефицит общения, обеспечивает чувство принадлежности, поддержки, социальной идентичности, стабильности.

Таблица 8. Результаты регрессионного анализа с зависимой переменной Индекса удовлетворенности жизнью, значимые β -коэффициенты

Группы предикторов	Предикторы	Вся выборка	Остались в России	Уехали из России
Группы респондентов	Группа респондентов «Уехали из России»	-,277***		
	Уровень должности <i>junior</i>	-,122*	-,197*	
	В каком формате вы работаете в настоящее время? (1 = «только в офисе»)	,126*		,239**
Оценка изменений в своей жизни (1 – снизилось... 5 – выросли)	Напряженность, психологические нагрузки на работе	-,220***	-,262**	-,172*
	Ваш уровень жизни в целом	,205***		,263***
	Количество родственников, друзей, с которыми вы регулярно общаетесь	,121*	,206*	
	Сложность выполняемой работы		,207*	
Оценка материального положения (1 – «не хватает средств на самое необходимое»... 5 – «живем очень обеспеченно, можем практически ни в чем себе не отказывать»)		,164**	,308***	
Уверенность в легкости нахождения другой работы...	...с приемлемым уровнем зарплаты	,145*		,305***
	...которая бы устраивала по содержанию труда			,141*
Скорректированный R ²		0,330	0,319	0,384

Примечание:

* $p < 0,1$;

** $p < 0,05$;

*** $p < 0,01$.

Заключение

Проведенный анализ социальных практик внешней миграции IT-специалистов показал, что решение о переезде – это не только индивидуальный выбор, но и результат взаимодействия различных социальных, культурных и экономических факторов. Между тем специалисты-мигранты своими действиями не только определяют собственное экономическое и субъективное благополучие и профессиональную жизнь, но и формируют новую социальную реальность, создают новые модели профессионального и личного поведения, оказывают влияние на российский и зарубежные рынки труда, на формирование диаспор и социальных сетей, которые, в свою очередь, облегчают переезд и адаптацию для других специалистов.

До 2022 г. внешняя мобильность российских IT-специалистов описывалась в литературе преимущественно через призму притягивающих факторов [Lee 1966]. Ведущими мотивами миграции этой социальной группы с высоким качеством человеческого капитала были высокий уровень оплаты труда и перспективы профессионального развития, стремление к лучшему качеству жизни, стабильности, путешествия и познание мира, переезд вслед за коллегами или членами семьи.

Результаты проведенного исследования показали, что в период 2022–2023 гг. значимость притягивающих факторов миграции IT-специалистов отошла на второй план. Доминирующими стали выталкивающие факторы – отсутствие уверенности в личной безопасности, политическое несогласие с происходящим в стране и ухудшение условий работы. Существенные изменения наблюдались в выборе локаций для переезда: заметно усилилась роль стран ближнего зарубежья с безвизовым въездом и/или с относительно простыми процедурами юридического оформления пребывания.

Неблагоприятным для развития российской IT-отрасли и в целом рынка труда является тот факт, что к внешней миграции в большей степени склонны опытные, высококвалифицированные специалисты уровня *middle* и *senior*. Российские IT-специалисты за рубежом чаще получают предложения о трудоустройстве и выше оценивают свою востребованность, чем оставшиеся в России профессионалы. Еще одна неблагоприятная тенденция – малая доля собирающихся вернуться в Россию среди уехавших. Это связано как с процессами адаптации на новом месте жительства, так и с наметившейся тенденцией «охлаждения» российского рынка труда IT-специалистов в 2024–2025 гг., сокращениями персонала компаний по инициативе работодателей, снижением числа вакансий и ростом конкуренции среди IT-специалистов, замедлением роста зарплат¹⁷. Для потенциальных репатриантов это сигнал о нестабильности и высоких рисках возвращения.

Преобладание негативных, выталкивающих мотивов обострило проблему выбора между драйверами и барьерами переезда [Левин 2000]. Основным фактором, удерживающим IT-специалистов от переезда за рубеж, является наличие в России семьи и друзей, и разрыв семейных и дружеских социальных связей стал

¹⁷ IT-рынок в России и СНГ (2025) // Habr.com. 3 сентября 2025 // <https://habr.com/ru/articles/943656/>; Парадокс российской IT-отрасли (2025) // Cnews.ru. 29 октября 2025 // https://www.cnews.ru/news/top/2025-10-29_paradoks_rossijskoj_it-otrasli; Больше половины уволенных IT-специалистов попали под сокращение (2025) // Ведомости. 29 октября 2025 // <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2025/10/29/1150596-bolshe-polovini-uvolennih-it-spetsialistov-popali-pod-sokraschenie>, дата обращения 27.11.2025.

наиболее серьезной потерей для уехавших и главной причиной возвратной миграции участников исследования.

Сравнительный анализ уровня субъективного благополучия оставшихся в России и уехавших IT-специалистов показал, что у оставшихся в среднем выше общий уровень удовлетворенности своей жизнью, качеством досуга и общением с близкими людьми, а также больше уверенности в возможности найти работу с приемлемым уровнем заработной платы. Они чаще отмечают повышение уровня своей жизни за последние два года, при этом отмечаются увеличение объема и сложности выполняемой работы, рост психологических нагрузок, что, скорее всего, связано с интенсификацией труда работников российских компаний в условиях дефицита кадров. У российских IT-специалистов за рубежом сильнее чувство личной защищенности и безопасности, более спокойные и комфортные условия труда, однако значительно чаще оставшихся они сообщают о снижении сложности выполняемой работы, что в перспективе может обернуться их девальвацией.

Ограничениями данного исследования являются различные по составу и механизму формирования выборки для интервью и опроса, невероятностный характер выборки опроса и относительно небольшой ее размер, не позволяющий получить данные о тех, кто не пожелал принять участие, и в полной мере отразить гетерогенность трех групп IT-специалистов, в особенности малочисленной группы возвратных мигрантов. В связи с этим наши выводы не претендуют на обобщения для всех оставшихся в России IT-специалистов, эмигрантов и вернувшихся.

Наиболее перспективными направлениями для дальнейших исследований на базе полученных результатов, по нашему мнению, является изучение динамики адаптации российских IT-специалистов за рубежом, в том числе для оценки потенциала их возвращения в Россию.

Список источников

- Антошук И.А., Леденева В.Ю. (2019) Из России в Великобританию: о механизмах миграции молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. № 2. С. 108–118. DOI: 10.31857/S013216250004015-9
- Балабанова Е.С., Молчанова Д.А. (2022) Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников IT-компаний) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. Т. 15. № 1. С. 3–25. DOI: 10.21638/spbu12.2022.101
- Волков В.В. (1997) О концепции практик(и) в социальных науках // Социологические исследования. № 6. С. 9–23.
- Волков В.В., Хархордин О.В. (2008) Теория практик. СПб.: ЕУСПб.
- Гидденс Э. (2003) Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект.
- Добринская Д.Е. (2020) О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. № 2. С. 37–59. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-2-37-59
- Земнухова Л.В. (2013) IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. Т. 4. № 2. С. 77–90 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19690818_84779488.pdf, дата обращения 12.12.2025.
- Казанцев А.А., Боришполец К.П. (2013) «Утечка мозгов» как политико-управленческая проблема // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (33). С. 206–214. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214
- Левин К. (2000) Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь.

- Пантыкина М.И. (2022) Цифровые кочевники как экономические акторы: особенности социально-экономической практики // *Вестник Томского государственного университета*. № 475. С. 83–92. DOI: 10.17223/15617793/475/11
- Рязанцев С.В., Рязанцев Н.С. (2024) Миграция «цифровых кочевников»: глобальные тренды и позиции стран // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 68. № 2. С. 116–126. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126
- Таишева В.В. (2022) Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. № 3. С. 460–479. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479
- Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Гоголева А.С. (2010) Социальная организация российского бизнеса сквозь призму социальных механизмов трудоустройства // *Мир России*. Т. 19. № 4. С. 69–103 // <https://mirros.hse.ru/article/view/5080/5430>, дата обращения 12.12.2025.
- Anastasiadou A., Volgin A., Leasure D.R. (2024) War and Mobility // *Demographic Research*, vol. 50, no 8, pp. 205–220. DOI: 10.4054/DemRes.2024.50.8
- Antoschyuk I. (2019) Migrating Step by Step: Russian Computer Scientists in the UK // *From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times* (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 271–296.
- Baranova V. (2023) Leave Not Stay. Introduction to Thematic Block // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 15, no 3, pp. 4–9. DOI: 10.25285/2078-1938-2023-15-3-4-9
- Baranova V., Podolsky V. (2023) Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 15, no 3, pp. 16–32. DOI: 10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32
- Cenci A. (2018) A Qualitative Viewpoint on the Southern Eurozone Highly Skilled Labour Mobility in the Metropolitan Area of Copenhagen in Times of Crisis and Austerity // *Mobilities*, vol. 13, no 4, pp. 551–568. DOI: 10.1080/17450101.2017.1383665
- Demintseva E. (2021) Understanding Russia’s Brain Drain in the 2010s // *Problems of Post-Communism*, vol. 6, no 68, pp. 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533
- Fedorova M. (2019) Jews in Russia and Russians in Israel // *From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times* (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 319–346.
- Ganev N. (2025) Recent Economic Migration from Russia to Three Western Balkan Countries // *Economic Development and Policies: Realities and Prospects. European Integration, Convergence and Cohesion*, Sofia: ERI at BAS, pp. 123–128.
- Gulina O. (2023) Emigration from Russia after 24 February 2022 // *Prague Process*, June 14, 2023 // <https://www.pragueprocess.eu/en/resources/repository/34-briefs/377-emigration-from-russia-after-24-february-2022-main-patterns-and-developments>, дата обращения 18.07.2025.
- Hannonen O. (2020) In Search of a Digital Nomad: Defining the Phenomenon // *Information Technology & Tourism*, no 22, pp. 335–353. DOI: 10.1007/s40558-020-00177-z
- Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadsкая M. (2022) Russia’s 2022 Anti-war Exodus // *PONARS Eurasia Policy Memo*. No. 790, September 6 // <https://www.ponarseurasia.org/russias-2022-anti-war-exodus-the-attitudes-and-expectations-of-russian-migrants>, дата обращения 10.03.2025.
- Kuleshova A., Chigaleichik E., Podolsky V., Baranova V. (2023) Russian Migration to Armenia and Georgia in 2022 // *Caucasus Edition*, May 29, 2023 // <https://caucasusedition.net/russian-migration-to-armenia-and-georgia-in-2022-enclave-economy-and-local-employment/>, дата обращения 03.04.2025.
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration // *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57 // <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf>, дата обращения 10.03.2025.
- Lomakin I. (2024) From Migrants to Minorities // *Diversity Governance Papers DiGoP 02/2024*. DOI: 10.57749/egi3-zv39

- Mass Exodus of Russians from the Country in the Context of War and Mobilization (2023) // Exodus-22 // <https://exodus22team.wordpress.com/2023/03/07/pressrelease-eng>, дата обращения 07.08.2025.
- Melkumyan Y., Melkonyan N. (2023) Immigration of Russian Citizens to Armenia during the Russian-Ukrainian War 2022–2023: Pull-Push Factors // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University, vol. 2, pp. 137–147. DOI: 10.46991/JOPS/2023.2.4.137
- Ozcurumez S., Aker D.Y. (2016) What Moves the Highly Skilled and Why? Comparing Turkish Nationals in Canada and Germany // International Migration, vol. 54, no 3, pp. 61–72. DOI: 10.1111/imig.12234
- Ruseishvili S., Ryazantsev S. (2024) Transcontinental Trajectories // International Migration, vol. 62, pp. 189–210. DOI: 10.1111/imig.13322
- Shatokhina L. (2019) Russian Programmers in Finland // From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 347–364.
- Triandafyllidou A., Gropas R. (2014) “Voting with Their Feet”: Highly Skilled Emigrants from Southern Europe // American Behavioral Scientist, vol. 58, no 12, pp. 1614–1633. DOI: 10.1177/0002764214534665
- Urbański M. (2022) Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration // Economies, vol. 10, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.3390/economies10010021
- Varma R., Kapur D. (2013) Comparative Analysis of Brain Drain, Brain Circulation and Brain Retain: A Case Study of Indian Institutes of Technology // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice, vol. 15, no 4, pp. 315–330. DOI: 10.1080/13876988.2013.810376
- Wachs J. (2023) Digital Traces of Brain Drain: Developers during the Russian Invasion of Ukraine // EPJ Data Science, vol. 12, art. 14. DOI: 10.1140/epjds/s13688-023-00389-3

External Migration of Russian IT-specialists: Motives, Practices, and Consequences

E.S. BALABANOVA*, A.P. LAZENKOVA**

***Evgeniya S. Balabanova** – DSc in Sociology, Professor, Department of Sociology, HSE University, Moscow, Russian Federation, balabanova@hse.ru, <https://orcid.org/0000000320071773>

****Alyona P. Lazenkova** – Research Manager, Ipsos S.A., Moscow, Russian Federation, lazenkovaap@gmail.com

Citation: Balabanova E.S., Lazenkova A.P. (2026) External Migration of Russian IT-specialists: Motives, Practices, and Consequences. *Mir Rossii*, vol. 35, no 2, pp. 68–94 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-68-94

Abstract

This paper identifies the main motives and practices of external migration among Russian IT specialists 2022-2023 and compares the subjective well-being of professionals who left with those who stayed. The empirical part of the study is based on a combination of in-depth interviews with IT specialists who left, stayed, and returned to Russia (N=21) and a standardized online survey of these three groups of respondents (N=316).

This article was received in October 2025.

The study showed that in 2022–2023 the main push factors related to the political context, increased anxiety, and deteriorating working conditions. The main factor retaining specialists in Russia was the presence of family and friends. Highly qualified specialists are the most inclined to migrate, which has a negative impact on the Russian labor market.

Comparative analysis showed that IT specialists who stayed in Russia have a higher overall life satisfaction and more often report an improvement in their living standards over the previous two years; however, they also report an increase in the volume and complexity of their work and rising psychological strain at work. Those who left feel safer and generally work in more comfortable conditions, but more often report a decrease in the complexity of their work, which may eventually lead to deskilling. The most serious loss for those who left was the breakdown of social ties with family and friends.

Keywords: IT specialists, external migration, relocation, migrant adaptation, subjective well-being, life satisfaction

References

- Anastasiadou A., Volgin A., Leasure D.R. (2024) War and Mobility. *Demographic Research*, vol. 50, no 8, pp. 205–220. DOI: 10.4054/DemRes.2024.50.8
- Antoschuk I. (2019) Migrating Step by Step: Russian Computer Scientists in the UK. *From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times* (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 271–296.
- Antoshchuk I.A., Ledeneva V.Yu. (2019) From Russia to the UK. On Migration Mechanism of Young Russian Computer Scientists. *Sociological Studies*, no 2, pp. 108–118 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250004015-9
- Balabanova E.S., Molchanova D.A. (2022) Work in Conditions of Remote and Hybrid Models: The Example of IT-companies' Employees. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 15, no 1, pp. 3–25 (in Russian). DOI: 10.21638/spbu12.2022.101
- Baranova V. (2023) Leave Not Stay. Introduction to Thematic Block. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 15, no 3, pp. 4–9. DOI: 10.25285/2078-1938-2023-15-3-4-9
- Baranova V., Podolsky V. (2023) Life in Motion: Mobility and Identity among Russian Migrants in the South Caucasus. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, vol. 15, no 3, pp. 16–32. DOI: 10.25285/2078-1938-2023-15-3-16-32
- Cenci A. (2018) A Qualitative Viewpoint on the Southern Eurozone Highly Skilled Labour Mobility in the Metropolitan Area of Copenhagen in Times of Crisis and Austerity. *Mobilities*, vol. 13, no 4, pp. 551–568. DOI: 10.1080/17450101.2017.1383665
- Demintseva E. (2021) Understanding Russia's Brain Drain in the 2010s. *Problems of Post-Communism*, vol. 6, no 68, pp. 521–530. DOI: 10.1080/10758216.2021.1905533
- Dobrinskaya D.E. (2020) On Phenomenon of Digital Nomadism. *ECO*, no 2, pp. 37–59 (in Russian). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59
- Efendiev A.G., Balabanova E.S., Gogoleva A.S. (2010) Social Organization of Russian Business through the Social Mechanisms of Job Placement. *Mir Rossii*, vol. 19, no 4, pp. 69–103. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5080/5430>, accessed 12.12.2025 (in Russian).
- Fedorova M. (2019) Jews in Russia and Russians in Israel. *From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times* (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 319–346.

- Ganev N. (2025) Recent Economic Migration from Russia to Three Western Balkan Countries. *Economic Development and Policies: Realities and Prospects. European Integration, Convergence and Cohesion*, Sofia: ERI at BAS, pp. 123–128.
- Giddens A. (2003) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*, Moscow: Akademicheskii proekt (in Russian).
- Gulina O. (2023) Emigration from Russia after 24 February 2022. *Prague Process*, June 14, 2023. Available at: <https://www.pragueprocess.eu/en/resources/repository/34-briefs/377-emigration-from-russia-after-24-february-2022-main-patterns-and-developments>, accessed 18.07.2025.
- Hannonen O. (2020) In Search of a Digital Nomad: Defining the Phenomenon. *Information Technology & Tourism*, no 22, pp. 335–353. DOI: 10.1007/s40558-020-00177-z
- Kamalov E., Kostenko V., Sergeeva I., Zavadskaya M. (2022) Russia's 2022 Anti-war Exodus. *PONARS Eurasia Policy Memo*. No. 790, September 6. Available at: <https://www.ponarseurasia.org/russias-2022-anti-war-exodus-the-attitudes-and-expectations-of-russian-migrants>, accessed 10.03.2025.
- Kazantsev A.A., Borishpolets K.P. (2013) “Brain Drain” from Russia as Problem of Political Governance. *MGIMO Review of International Relations*, no 6 (33), pp. 206–214 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-6-33-206-214
- Kuleshova A., Chigaleichik E., Podolsky V., Baranova V. (2023) Russian Migration to Armenia and Georgia in 2022. *Caucasus Edition*, May 29, 2023. Available at: <https://caucasusedition.net/russian-migration-to-armenia-and-georgia-in-2022-enclave-economy-and-local-employment/>, accessed 03.04.2025.
- Lee E.S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–57. Available at: <https://emigratecaportuguesa.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/04/1966-a-theory-of-migration.pdf>, accessed 10.03.2025.
- Lewin K. (1951) *Field Theory of Social Science: Selected Theoretical Papers*, Saint Petersburg: Rech (in Russian).
- Lomakin I. (2024) From Migrants to Minorities. *Diversity Governance Papers* DiGoP 02/2024. DOI: 10.57749/egj3-zv39
- Mass Exodus of Russians from the Country in the Context of War and Mobilization (2023). *Exodus-22*. Available at: <https://exodus22team.wordpress.com/2023/03/07/pressrelease-eng>, accessed 07.08.2025.
- Melkumyan Y., Melkonyan N. (2023) Immigration of Russian Citizens to Armenia during the Russian-Ukrainian War 2022–2023: Pull-Push Factors. *Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University*, vol. 2, pp. 137–147. DOI: 10.46991/JOPS/2023.2.4.137
- Ozcurumez S., Aker D.Y. (2016) What Moves the Highly Skilled and Why? Comparing Turkish Nationals in Canada and Germany. *International Migration*, vol. 54, no 3, pp. 61–72. DOI: 10.1111/imig.12234
- Pantykina M.I. (2022) Digital Nomads as Economic Actors: Features of Socioeconomic Practice. *Tomsk State University Journal*, vol. 475, pp. 83–92 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/475/11
- Riazantsev S., Ryazantsev N. (2024) Migration of “Digital Nomads”: Global Trends and States’ Approach. *World Economy and International Relations*, vol. 68, no 2, pp. 116–126 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-116-126
- Ruseishvili S., Ryazantsev S. (2024) Transcontinental Trajectories. *International Migration*, vol. 62, pp. 189–210. DOI: 10.1111/imig.13322
- Shatkhina L. (2019) Russian Programmers in Finland. *From Russia with Code: Programming Migrations in post-Soviet Times* (eds. Biagnoli M., Lépinay V.A.), Durham: Duke University Press, pp. 347–364.
- Taisheva V.V. (2022) Digital Nomads and Migration Processes in the Russian IT. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no 3, pp. 460–479 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479
- Triandafyllidou A., Gropas R. (2014) “Voting with Their Feet”: Highly Skilled Emigrants from Southern Europe. *American Behavioral Scientist*, vol. 58, no 12, pp. 1614–1633. DOI: 10.1177/0002764214534665

- Urbański M. (2022) Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration. *Economies*, vol. 10, no 1, pp. 1–15. DOI: 10.3390/economies10010021
- Varma R., Kapur D. (2013) Comparative Analysis of Brain Drain, Brain Circulation and Brain Retain: A Case Study of Indian Institutes of Technology. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, vol. 15, no 4, pp. 315–330. DOI: 10.1080/13876988.2013.810376
- Volkov V.V. (1997) On the Concept of Practices in Social Sciences. *Sociological Studies*, no 6, pp. 9–23 (in Russian).
- Volkov V.V., Kharkhordin O.V. (2008) *Theory of Practice*, Saint Petersburg: EUSPb (in Russian).
- Wachs J. (2023) Digital Traces of Brain Drain: Developers during the Russian Invasion of Ukraine. *EPJ Data Science*, vol. 12, art. 14. DOI: 10.1140/epjds/s13688-023-00389-3
- Zemnukhova L.V. (2013) IT-workers at the Labour Market. *Sociology of Science and Technology*, no 4 (2), pp. 77–90. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19690818_84779488.pdf, accessed 12.12.2025 (in Russian).